

* * *

Старуха провела гостя в заднюю комнату, отделённую от столовой занавесом из разноцветных пластмассовых шнуров. В комнате стояли стол и два стула, а на стене висело изображение Сердца Христова.

Хозяйка села сама, усадила Сантьяго, потом взяла его за обе руки и вполголоса прочитала молитву.

Похоже, что молитва была цыганская. Пастуху часто встречались цыгане — они, хоть овец и не пасли, тоже бродили по свету. А люди говорили, что живут они обманом, что продали душу дьяволу, что воруют детей, и те потом становятся в их таборах невольниками. Сантьяго сам в детстве до смерти боялся, что его украдут цыгане, и теперь, когда старуха взяла его за руки, страх этот воскрес.

«Но ведь здесь — святое Сердце Иисусово», — подумал он, стараясь успокоиться и унять дрожь. Ему не хотелось, чтобы старуха заметила, что ему страшно. Он прочитал про себя «Отче наш».

— Как интересно, — сказала старуха, не сводя глаз с линий его руки, и вновь замолчала.

Юноша забеспокоился ещё сильнее. Руки затряслись ещё больше, и он поспешно отдёргнул их.

— Я не за тем пришёл, чтобы ты мне гадала по руке, — сказал он, жалея, что вообще переступил порог этого дома: не лучше ли будет заплатить, сколько скажут, да идти восвояси. Слишком большое значение придал он своему сну.

— Знаю. Ты пришёл, чтобы я растолковала тебе твой сон, — ответила цыганка. — Сны — это язык, на котором говорит с нами Господь. Когда это один из языков мира, я могу перевести с него. Но если Господь обращается к тебе на языке твоей души, он будет внятен тебе одному. Однако деньги за совет я с тебя всё равно возьму.

«Вот те на», — подумал юноша, но всё же решил рискнуть. Пастух всегда рискует: то волки нападут на его стадо, то засуха случится. Риск и составляет очарование его жизни.

— Мне дважды снился один и тот же сон, — сказал он. — Снилось, будто я пасу своих овец на лугу, и тут появляется ребёнок, хочет с ними поиграть. Я не люблю, когда люди подходят к моим овцам — они чужих боятся. Только детей они к себе подпускают без боязни — уж не знаю почему. Не понимаю, как это овцы определяют возраст.

— Рассказывай дальше, — перебила старуха. — У меня вон котелок на огне. Денег у тебя немного, а время моё стоит дорого.

— Ребёнок играл да играл с овцами, — продолжал, немного смутясь, Сантьяго, — а потом вдруг подхватил меня на руки и перенёс к египетским пирамидам. — Он помедлил, засомневавшись, знает ли цыганка, что это такое, но она молчала. — К египетским пирамидам, — повторил он медленно и отдельно, — и там сказал мне так: «Если снова попадёшь сюда, отыщешь спрятанный клад». И только захотел он указать мне, где же это сокровище лежит, как я проснулся. И так — два раза.

Старуха долго молчала, потом снова взяла Сантьяго за обе руки и внимательно вгляделась в ладони.

— Сейчас я с тебя ничего не возьму, — молвила она наконец. — Но если найдёшь сокровище, десятая часть — моя.

Юноша рассмеялся от радости — приснившиеся сокровища сохраняют ему его жалкие гроши. Старуха, верно, и в самом деле цыганка: цыгане, говорят, сушие ослы.

— Растолкуй мне мой сон, — попросил он.

— Прежде поклянись. Поклянись, что отдашь мне десятую часть сокровищ, тогда расскажу.

Сантьяго поклялся. Но старуха потребовала, чтобы он повторил клятву, обратясь лицом к образу Святого Сердца Иисусова.

— Этот сон на Всеобщем Языке, — сказала она. — Я попытаюсь его растолковать, хоть это и очень трудно. Вот за труды я и прошу у тебя десятую часть клада. Слушай же: ты должен идти к египетским пирамидам. Я сама и не слыхала про такое, но раз ребёнок показал тебе их, значит, они существуют на самом деле. Отправляйся туда: там ты найдёшь клад и разбогатеешь.

Сантьяго сначала удивился, а потом его взяла досада. Ради такой чепухи и не стоило разыскивать старуху. Хорошо хоть, что она не взяла с него денег.

— Только время потерял, — сказал он.

— Я ведь предупредила: сон твой трудно разгадать. Чем необыкновенней вещь, тем она проще с виду, и только мудрецу под силу понять её смысл. Моей мудрости тут не хватает — вот и пришлось выучиться другим искусствам — гадать, например, по руке.

— А как же я попаду в Египет?

— Это уж не моя печаль. Я умею только толковать сны, а не воплощать их в действительность. А иначе стала бы я жить тем, что дают мне дочки?!

— А если не дойду до Египта?

— Не дойдёшь — останусь без платы за гаданье. Не в первый раз. А теперь ступай, я и так потеряла с тобой слишком много времени.

* * *

Сантьяго вышел от цыганки в сильном разочаровании и решил, что никогда больше снам верить не будет. Тут он вспомнил, что пора и делами заняться: отправился в лавку, купил кое-какой еды, обменял свою книгу на другую, потолще, и уселся на площади на скамейку попробовать нового вина. День был жаркий, и вино волшебным образом охладило Сантьяго. Овец своих он оставил на окраине городка, в хлеву у своего нового друга. У Сантьяго по всей округе были друзья — он потому и любил странствовать. Заводишь нового друга — и вовсе необязательно видеться с ним ежедневно. Когда вокруг тебя одни и те же люди — как это было в семинарии, — то вроде бы само собой получается, что они входят в твою жизнь. А войдя в твою жизнь, они через некоторое время желают её изменить. А если ты не становишься таким, каким они хотят тебя видеть, обижаются. Каждый ведь совершенно точно знает, как именно надо жить на свете.

Только свою собственную жизнь никто почему-то наладить не может. Это вроде как та старуха

цыганка, что толковать сны умела, а вот сделать их явью — нет.

<http://tl.rulate.ru/book/24356/508148>